~Глава 83~

Отношения издалека...

Линетт приближалась к срыву. Первую пару недель она выполняла свою обязанность стража полные сутки, редко прерываясь на сон. В прочем, после того, как Харпер вернулся на ноги, он был достаточно любезен начать перемещаться с королевой, поскольку никто другой в Сескории на самом деле и не мог защитить королеву Хелен.

Как и всегда, Линетт наблюдала за встречей её Высочества безмолвно. Обсуждение с министром обороны заняло бóльшую часть вечера, поскольку мужчина, вполне понимаемо, был обеспокоен развитием тревожных событий и докладами о конфликтах в Саире. Линетт полагала, что неожиданный разговор о возможной гражданской войне был тревожным для всех на Элоа, так что факт того, что целых две страны, Лорент и Каллум, находились между Атрией и Саиром, приносил министру не много комфорта.

Королева, однако, казалась столь же спокойной и собранной как всегда, и хотя на это ушло время, она убедила мужчину, что не станет игнорировать этот вопрос, несмотря на то, что Агентство Иностранных Дел находилось в сомнительном положении, после того, как она его перебрала.

Вскоре Харпер занял её место.

Линетт поднялась для быстрого рукопожатия. – Хорошо спалось? – спросила она.

– Конечно, а... – Мужчина приостановился, взглянул в сторону и затем снова на Линетт. – Дазим говорит, что в Вас что-то странное, госпожа Эдит.

Линетт взглянула на королеву, она направила на них быстрый взгляд и тут же вернулась к горе бумаги для чтения и работы. Линетт зашла в другой зал, дабы её не беспокоить, после чего вновь обратилась к Харперу, – ...Дазим? А, это Ваш друг-жнец?

– Ага. Он был без сознания до сих пор, так что он Вас ещё не видел.

– А, понятно. – Она сняла свою рукавицу, чтобы показать костяную полу рукавицу. – Тогда, я уверена, что он чувствует это. Она, кстати говоря, напугала Гарвеля, да и остальных, но никто из них не сумел сказать мне ничего, чего я ещё не знала. Я хотела спросить Вас, когда Ваш жнец проснётся.

– О! Надо было показать мне раньше. Я знаю об этом столько же, сколько и Дазим. А где Вы его, кстати говоря, достали?

– Дивизион Авангарда в Каллуме, – ответила Линетт. – Они экспериментировали над ним. Я не собиралась воровать его, но... всё вроде как... так получилось.

На плоском лице Харпера появилась улыбка. – Наверно, не стоит быть такой открытой, если кто ещё об этом спросит. Многие мои коллеги немного скупые, знаете ли, и воровство обычно ими не приветствуется, в частности чего-то вроде этого.

Линетт прикусила губу. – Что ж, я рада, что Вы не разозлились.

– О, за это можешь винить Дазима. Я действительно привык застревать по уши в грязи и не очень одобряю или понимаю бедственное положение других ребят. Но чем старше я становлюсь, тем более удобным средством нахожу его непринуждённый нрав в продолжении пути по этому тускло освещённому проходу, называемому жизнью.

Линетт просто взглянула на него.

Харпер хихикнул. – Прошу простить мою софистику.

– Думаю, я просто хотела узнать, следует ли мне ожидать каких-либо проблем из-за этой рукавицы. До сих пор её было удивительно просто контролировать.

– Ага. Любопытно, в чём загвоздка, а? Насколько знаю, загвоздок просто нет. – Прошла секунда и Харпер добавил, – Ну, за исключением невозможности его снять.

– Действительно нет способа её снять?

– Нет, не сняв при этом твою руку вместе с ней. О, думаю это приводит к другой отрицательной стороне, верно? Некоторые ребята попытаются убить тебя, чтобы его забрать. Эти штуки редкие и могущественные, понимаешь ли.

– Это точно... Вы знаете, почему его нельзя снять обычным способом?

– Лёгкий вопрос: он цепляется не просто к руке. Он также прицепляется к душе. Даёт душе физический вес, относительно веса тела. Как суперклей. За исключением того, что не как суперклей. Вообще, забудь эту аналогию. В аналогиях я отстой. Не понимаю, зачем я вообще пытался.

– Эм?..

– О, и ещё одна отрицательная черта, о которой я забыл. Эээ... вроде того. Вам это может показаться положительной чертой, наверно.

Она просто ждала.

– Вам не удастся завести детей, – сказал Харпер. – Ваша живая тень не позволит яйцеклеткам оплодотвориться.

Линетт широко раскрыла глаза.

– Это странно и вообще сексизм, потому что прицепившись к парню оно его бесплодным не сделает. Думаю, это вопрос защиты от проникновения? Или, может быть, просто дело в телесной близости. В любом случае очень странно, на мой взгляд.

Она всё ещё не имела ответа на это.

– С положительной стороны, – продолжил Харпер, – не нужно думать о контрацепции. Удобно, верно?

Линетт прищурилась. Она думала, что он сейчас признается, что просто шутит, но он выглядел довольно серьёзным.

– И, опять же, если действительно хочется родить, то можно ампутировать руку. Или использовать суррогатную мать. Лично я, кстати, действительно рекомендую усыновление. Не

многие люди усыновляют детей, знаете ли. В мире уже полно детей, которым нужны хорошие родители, но не многие думают об усыновлении, пока у них не появятся свои дети. Это так печально. – Ещё секунда прошла, пока он смотрел на её лицо. – Прежде чем Вы спросите, да, я усыновил многих детей.

Она не собиралась спрашивать это.

– Они все уже выросли. Поэтому я так люблю путешествовать. Они живут по всему миру. Я думал опять этим заняться, но сейчас я с Авангардом, вырастить ребёнка будет труднее. Хотя, может так будет и более волнующе. – Он улыбнулся и позволил взгляду уйти немного вдаль. – Могу взять их куда захочу и держать при этом в безопасности, показывая мир. Фантастично.

Линетт не представляла, что господин Норец способен так легко столь много болтать. Она начинала думать, что он продолжил болтать, пока она его не остановит.

– В любом случае, Вы ещё юны. Вероятно, ещё не задумывались над подобным, верно?

Она бы хотела сказать, что он ошибается, но он был прав. Линетт никогда не была из тех, что фантазируют на тему становления мамой или женой. Случится, так случится. У неё было не много причин задерживаться на этих мыслях дольше. Но сейчас, как оказалось, её лишили этого варианта, а она даже не знала.

Неприятное осознание.

Она решила, что подумает над этим позже. У неё всё ещё был важный вопрос, который она должна была задать этому человеку. – Вы можете сказать, как использовать сжигание?

Харпер ненадолго повернулся к пустому месту рядом с ним. – Говорите о скрытой способности своей рукавицы?

Она подняла бровь. – Скрытой? Я просто услышала, как её упомянули в Каллуме. Ничего больше я о ней не знаю.

– А… ну, к несчастью, как и мы. Я слышал, что у этих штук есть второстепенные силы, как и у самих отклонений, но я встречал только горсть людей, использующих их как Вы. Более того, думаю только двое или трое сумели использовать их силы. Я не желал спрашивать объяснение того, как им это удалось. Извини.

– Мм.

– Раз уже обсудили это, я могу указать Вам на нескольких ребят, способных рассказать больше. Есть несколько в Каллуме, но, думаю, с ними Вы бы предпочли не общаться.

– Желательно нет.

– Тогда, я знаю приятеля по имени Хакк Наджир, он изучал отклонения с того момента, как они начали появляться. Безумно умный, этот парень. И не член Авангарда, так что он точно не расскажет никому о том, что Вы украли.

– Как мне связаться с ним?

– Могу позвонить прямо сейчас, если хотите. Зная его, он наверняка ещё не спит. Дело в том, что я уверен, он захочет встретиться с Вами. Он очень… увлечён своими исследованиями.

Наверняка бросит всё, чем занимается и...

Его внимание привлёк показавшийся принц Давид. Не было похоже, что он в своём обычном, весёлом настроении, он даже едва их заметил, направившись в комнаты королевы.

Линетт взглянула на Харпера. – Наверно, сейчас не лучшее время.

– Наверно нет. – Харпер положил руку на дверь, но пока не последовал за ним. – Тогда я позвоню Хакку утром. Пойдите поспите. Вы выглядите уставшей.

Она потёрла кожу под своим глазом и прищурилась. – Пойду. И расскажите мне потом, в чём у них тут дело, хорошо?

– Конечно.

–+–+–+–+–

До сих пор, у Хелен не было времени на эту встречу, да и не сильно она желала её устроить. Она не видела Лютера лично с тех пор, как сбежала из Сескории, но после её сегодняшнего разговора с Давидом, Лютер подскочил до вершины её приоритетов.

Лютер улыбнулся, увидев как она, Давид и Харпер приближаются. – О, вот и оно. Наконец-то, щедрая сестра соизволила осчастливить меня своим присутствием.

Она с трудом верила, что это был тот же человек. Лицо было его, но выражение лица было совсем не таким. Он был доволен. И у неё было довольно хорошее представление о том, почему.

Давид, Меривезер и даже Мельсанз сказали ей о безумности Лютера. Но даже так, она чувствовала, что они преувеличивают. Даже после всего, что произошло, было трудно принять их слова.

– И какова, могу ли я спросить, цель вашего визита? – спросил Лютер. – В такой час ночи, должно быть что-то срочное.

Хелен нажала кнопку у микрофона, чтобы её голос мог достичь Лютера. – Похоже, министр финансов и лорд-казначей неожиданно покинули страну.

– Оу? – сказал Лютер. – Как любопытно.

– Что ты знаешь об этом? – Хелен была не в настроении танцевать вокруг вопроса, но она сомневалась, что для Лютера это сейчас имело значение.

Лютер сел на свою молочно белую кровать. Его форма заключённого тоже была белой, но вертикальные полосы оранжевого не позволяли ему затеряться. – И почему же ты думаешь, что я что-то знаю?

– Я получила несколько докладов сообщающих о твоих частых визитах в королевскую казну за последние восемнадцать месяцев, – ответила королева.

– Это интересное место.

– Ещё ты заявил, что твой аварийный план связан с деньгами.

Лютер взглянул на Давида в ложном ошеломлении – Ты рассказал ей? Брат, как ты мог?

Давид лишь безмолвно следил за разговором.

– Лютер, что ты сделал? – попыталась она. – Расскажи.

– Догадаться разве не веселее? – сказал он. – Вы всё равно поймёте рано или поздно. По факту, рано, судя по твоим словам.

Хелен взглянула на его камеру. – Значит, хочешь что-то в обмен?

– Я понимаю, что заставило тебя так думать, но правда в том, что у тебя нет ничего, чего хотелось бы мне. Не считая моей свободы, полагаю, но подозреваю, что её мне не предложат. – Его глаза ненадолго вновь переместились на Давида. – И после того трюка с моим телевизором, у меня нет желания заключать сделки.

Хелен прищурилась. – Я не понимаю, с какой целью ты делаешь всё это.

– Тогда, наверно, ты должна спросить меня об этом, – сказал Лютер. – Корона сделала тебя такой требовательной, сестра. Это неподобающе. Леди должна пытаться лучше понимать чувства остальных.

– Тогда объясни. Почему ты предал меня?

– Потому что этой стране требовалось моё предательство, – ответил Лютер. – В этом мире больше ста пятидесяти суверенных государств и лишь десять из них сохранили монархию. И среди этих десяти…

– …только четыре обладают практически необузданной властью, как у меня, – закончила Хелен. – Я в курсе.

– Не видишь проблемы в этом, сестра?

Этот аргумент она слышала с детства, аргумент, в который когда-то верила сама. – Значит, вместо того, чтобы обсудить со мной заботящий тебя вопрос, ты решил, что лучше будет вызвать изменение режима силой, убив меня и толкнув Атрию в войну с её соседями. Мне не удаётся понять, как ты можешь верить в то, что стране от этого стало бы лучше.

– Необходимые изменения часто наиболее болезненны.

– Полагаю, ты хотел ошпарить Атрию иллюзией республики или демократии?

Лютер только наклонил голову.

– Ты действительно веришь, что такое правительство способно просуществовать долго? Они могут быть построены на идеализме, наверно, но они неизбежно дадут рождение новым королевским семьям, которыми будут управляться. Единственная разница в том, что короли демократии могут прятаться за завесой выбранных подставных лиц.

На секунду он замолчал и медленно моргнул. Он ещё раз посмотрел на Давида. – Ты знал, что она настолько цинична?

– Да, знал. Ты бы тоже знал, если бы вёл себя с сестрой так, как полагает вести себя брату.

– Похоже, мы оба виновны в произошедшем, – сказала Хелен. – Если бы я знала сердце Лютера хотя бы год назад, этих проблем сейчас не было бы. И наша семья могла бы быть вместе.

Лютер кратко засмеялся и потряс головой. – Ты действительно веришь, что монархия – лучший метод правления?

– В этом примере «лучший» чрезмерное упрощение, – ответила Хелен. – Монархия система с большим риском и большой наградой. С правильным лидером она может быть более эффективна, духовна и просто положительнее, чем любой другой метод. С плохим она может уничтожить своих людей. Поэтому, самый важный выбор, который принимает монарх, это выбор своего преемника.

– Полагаю, человек со всей этой властью должен верить в это, – сказал Лютер.

– Я пришла сюда не ради подросткового спора с тобой, – отметила Хелен.

– Нет, ты пришла сюда, потому что у тебя не было выбора.

– Расскажи, что ты сделал с национальными финансами, Лютер.

– Или что? Будешь меня пытать? Как это по-светски.

Королева закатила глаза и вздохнула. – Я запретила пытки три года назад.

– Это должно что-то означать для меня?

– Ты можешь не доверять моим словам, но это не имеет значения. У тебя будет полно времени, чтобы самому увидеть правду.

– Будешь пытать или нет, я не вижу причин рассказывать тебе что-либо.

– Хмм. В этом есть смысл.

Лютер поднял бровь.

Хелен повернулась к остальным. – Пожалуйста, оставьте нас, – сказала она.

Давид и Харпер колебались. Дазим и Мельсанз тоже были здесь, но их призрачные лица остались равнодушными.

– Я не в опасности, – заверила их Хелен. – Можете подождать меня на лестнице, если хотите.

Харпер взглянул на Дазима, тот пожал плечами и улетел, вскоре за ним последовал сам Харпер. Давид нахмурился, но сделал, как она просила. Только Мельсанз осталась, безмолвно паря рядом с королевой.

И, наверно, Лютер почувствовал неблагоприятное изменение в атмосфере, поскольку отступил от стеклянной стены своей тюремной камеры.

Хелен остудила своё выражение лица. Она надеялась, что ей не потребуется пользоваться этой тактикой, но, похоже, этого было не избежать. – Одна из причин, по которой у меня ушло так много времени перед визитом к тебе, моё желание сперва сделать домашнюю работу. Может, она не наверстала упущенные годы, но я чувствую, что так получаю немного

перспективы.

– Ты о чём? – спросил Лютер.

– Давид рассказал мне, что твоя категоричная ненависть к монархии связана с отцом, но это не полная история, верно?

Лютер немного опустил лицо, но не убрал взгляда с королевы.

– Это уже не первый раз, когда ты пытаешься уничтожить правительство, – сказала Хелен. – Девятнадцать лет назад, в маленькой стране с названием Снайдер, это ведь твоих рук дело?

Её брат решил не отвечать.

– Король Снайдера был известен своей жестокостью, но, тем не менее, наш отец был в хороших отношениях с ним. Ты провёл там всего одно лето, должен был наслаждаться своим досугом, как любой другой принц. И вот, всего через полгода после твоего визита, король Снайдера был свергнут кровавым конфликтом. Кто-то мог назвать это совпадением и успокоиться, но ещё целых два года после этого восстания несколько других семей пытались захватить власть и все их попытки были впустую. Каждый, кто пытался залезть на трон, погиб ужасной или мистической смертью. Либо ужасной и мистической. Пока, наконец, демократия не устоялась.

Лютер был равнодушен. – Ты веришь, что я ответственен за всё это? Наверно, я должен быть польщён.

– Мм. Было довольно трудно найти информацию о твоём летнем визите. Ты был осторожным, даже несмотря на то, что ещё был молод. Я пообщалась с несколькими твоими сопровождающими с того раза, и все они упомянули твою привычку исчезать. Для меня, однако, действительно убедительным свидетельством оказалась девочка.

Лютер отвернулся и пошёл к стене.

– У меня записано её имя. – Она потянулась к своему гладкому пальто и достала блокнот. Пролистала несколько страниц. – Лила Вэнс. Ей было всего шесть, когда король Снайдера казнил их за богохульство. Ей было всего семь, когда ты её встретил, да? Несмотря на отсутствие причин, она смогла покинуть Снайдер после твоего визита, но до восстания. Она с комфортом живёт в Каме с тех самых пор, под именем Лила Демитри. Она простой продавец цветов, а своё состояние относит к богатому дяде.

Лютер развернулся на месте, чтобы вновь встретиться лицом с сестрой. – Достаточно. В чём твоя цель? Пытаешься заставить меня верить в то, что ты навредишь Лиле, если я не стану сотрудничать? Не смеши меня, Хелен.

– У неё уже есть муж и двое дочерей, – продолжила королева, – но, уверена, ты об этом и так уже знал.

Лютер спокойно на неё посмотрел. – Я знаю, что это блеф, сестра. Ты никогда не пойдёшь на это.

Хелен этого ожидала. Теперь ей нужно было выбрать, как лучше всего убедить его, что она не блефует. Искушение, конечно, было в том, чтобы сказать ему, что он был не прав, сомневаясь в её жестокости, но она не верила, что с этим человеком это сработает. С этим

человеком, не имеющим к ней ни уважения, ни чего-либо ещё. Нет, лучшей тактикой было обратное. Она должна оставаться безмолвной, как если забрать жизнь невинного человека для неё не понесёт никаких последствий, как если подозрение Лютера не имело для неё никакой разницы. И это означало, что она не должна показывать нерешительности.

– Моя единственная дилемма в том, что у меня целых четыре кандидата на выбор, – сказала Хелен. – Полагаю, её муж заботит тебя меньше всех, так что начать мне стоит сегодня с Лилы. Уверена, ты поймёшь мои убеждения, когда я её достану. Или ты предпочтёшь, чтобы она умерла второй, как небольшая мера милосердия её детям?

– Ты никогда не навредишь ребёнку.

Хелен оставляла своё лицо совершенно равнодушным. – Больше сорока миллионов человек в Атрии. Грубо можно сказать, что четверть из них дети. Как много детей погибнут, если я не заберу жизни двух чужеземных девочек? Любопытно.

Лютер сжал челюсть и прищурился на неё.

– Наверно, мне стоит начать с дочерей и, тогда, пощадить мужа. Это может оказаться гораздо более выгодным решением.

– Ты не…

Хелен вернула блокнот обратно в своё пальто. – Я приведу их сюда, к тебе на визит, чтобы ты мог увидеть своими собственными глазами, что я не подменила трупы. Обменяешься с ними парой слов, подтвердишь, что это не просто похожие на них люди, и потом посмотришь, как они умрут.

– Ладно, – сказал Лютер. – Ты победила. Я расскажу тебе, что сделал.

Хелен внимательно смотрела. Она не ожидала, что он так быстро сдастся. Да и особенно разгневанным угрозами Хелен он тоже не выглядел.

– Ты уже ничего не можешь сделать, – сказал он. – Поэтому я рассказываю. Уже слишком поздно.

Хелен просто ждала.

– Понимаешь, я осторожно убрал все деньги из королевской казны и заменил их одолженными средствами. Атрия теперь владеет ничем, кроме долгов. – Он не улыбался. Выглядел даже более чёрствым, чем раньше. – Ты думала, что выиграла своё королевство обратно, сестра? До этого далеко. Атрия принадлежит больше чем дюжине других стран.

Она ничего не сказала, только позволила своему взгляду немного сместиться в сторону. Если он лгал, она это легко проверит, но Лютер это, конечно, знает, а это означает, что вполне можно считать его слова правдой.

– Они скоро придут к тебе за своими деньгами, – сказал он. – Некоторые могут понять твоё положение, но я не думаю, что Интар, Хоршт, Каргам или Дозер будут очень покладистыми. Ты задолжала им немалую сумму и любой из них может сильно разозлиться, если узнает, что ты имеешь дело ещё с дюжиной других.

Интар, Хоршт, Каргам и Дозер. С Интаром было трудно иметь дело и в хороший день, но

оставшиеся три легко можно назвать самыми непостоянными нациями континента. Как только были произнесены их названи, у Хелен не было и шанса скрыть свой гнев. Она закрыла глаза и отвернулась от Лютера, прижав руку ко лбу.

Ей нужно было подумать. Она ожидала, что проблемы будут, но это? Можно ли сделать хоть что-то? Если в королевской казне действительно остались лишь задолженные средства, то сделать что-либо было трудно.

В чём бы ни было дело, она должна была начать задавать вопросы. Ей требовалась информация и Лютер, вероятно, был единственным, способным её дать. – Ты говоришь почти о двух сотнях миллиардов троа. Как ты вообще мог устранить столько средств из королевской казны так, чтобы никто не заметил?

– Ты всё ещё не поняла? – сказал Лютер. – Кто-то заметил. По факту, они не только заметили, но и помогали мне. Но не потому что хотели помочь, конечно.

Хелен собрала картину воедино. Вот, почему министр финансов и лорд-казначей сбежали. Лютер подкупил или принудил их. В любом случае, сейчас это не имело значения. Она подошла к более важному вопросу. – Что ты сделал с деньгами, которые подменил?

– Это было настоящим вызовом. Мне самому не требовались деньги. Как минимум, они были бременем и было рискованно таскать их с собой. Я думал над тем, чтобы сбросить их в вулкан, но на это потребовалось бы немало людей и, откровенно говоря, я сомневался, что здравомыслящий человек выполнил бы для меня эту задачу, не поддавшись искушению. В итоге, часть из них я раздал тем, кому повезло меньше. Я бы хотел раздать больше, но если бы денег было слишком много, я бы определённо привлёк внимание телевидения, так что остальные ушли Избавлению за их услуги. Кажется, мои деньги не окупились в этом плане, но опять же, я знал, что переплачиваю с самого начала.

Избавление. Хотела бы она дольше о них не слышать. Если деньги были у них, то уже было не представить, где они могут быть. Она даже не знала, сколько из них пережили битву в Ратморе. Харпер не был способен сказать, скольких убил.

Она хотела надавить на Лютера, чтобы получить детали, но не ожидала услышать ничего полезного, конечно, в этом ведь и было дело. Она решила уйти прежде, чем Лютер потратит больше её времени.

Мельсанз последовала за ней к лестнице тюрьмы. – 'Что собираешься делать теперь?'

– '...Я открыта для предложений.'

– 'Вау. Это настолько плохо, да?'

– 'Если у тебя есть любая древняя мудрость для меня, сейчас самое время.'

– 'Не думаю, что у меня есть какая-нибудь древняя мудрость ценной в две сотни миллиардов троа.'

– 'Я так и думала.'

– 'Наверно, нам нужно найти кого-нибудь способного материализовать серебро или золото,' – сказала Мельсанз.

Хелен остановилась подниматься по лестнице и посмотрела на жнеца. – 'Ты знаешь такого человека?'

– 'Нет, но уверена, что они существуют.'

Она продолжила подниматься. – 'Да, ну, как найдёшь кого-нибудь, дай мне знать.'

– 'Зная нашу удачу, они наверняка работают на Избавление.'

http://tl.rulate.ru/book/1701/151565